

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ТАЙНА
МЫСА
ПИЦУНДА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Тайна мыса Пицунда / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248358-5

Год 1916-й, разгар войны. Русскому командованию становится известно о неслыханной дерзости — в тихой абхазской бухте Мюссера близ Пицунды германцы оборудовали тайную базу для своих подводных лодок. Османы с местными предателями обеспечили пиратам полное довольствие: топливо, припасы, покой. Отсюда субмарины выходят на охоту, топить русские суда.

Для искоренения вражеского гнезда на место отправляют статского советника Лыкова с его верным помощником Азвестопуло. План у сыщиков дерзкий: под видом ушлых дельцов, укрывающих дезертиров от фронта, собрать команду головорезов и ударить по базе изнутри.

Собрав под свои знамена отчаянных вояк и блатных, сыщики выдвигаются на дело. Однако на месте их ждет сюрприз. Как таковой базы нет, лишь склад, набитый всем необходимым для подводной войны. Лыкову удается выследить всплывшую для подзарядки субмарину. Вот она, добыча! Но справятся ли Лыков и его разношерстный отряд с охраной склада и неуловимой подлодкой, или же сами попадут в хитроумные ловушки, расставленные врагом?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248358-5 © Свечин Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается моему другу
Алексею Рощину

Глава 1

«ПРИДУМАЙТЕ ЕМУ ПОРУЧЕНИЕ ПОДАЛЬШЕ...»

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант Алексеев многозначительно откашлялся, взял со стола лист бумаги и зачитал:

— «Генерал-майору барону Таубе. В воздаяние отличного-усердной службы вашей и самоотверженной и высокополезной деятельности во время военных действий, сопричислили Мы вас к Императорскому ордену Нашему Белого Орла с мечами, знаки коего при сем препровождая, повелеваем вам возложить их на себя и носить согласно установлению.

Пребываем к вам Императорской милостью Нашею благосклонны».

Алексеев сделал паузу, чтобы оттенить торжественность момента, и завершил:

— На сем подлинной Собственного Его Императорского Величества рукой начертано: Николай. Писано в Царской Ставке двадцатого апреля тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Генералы и офицеры управления генерал-квартирмейстера Ставки вытянулись по струнке. Наштаверх¹ торжественно вручил барону грамоту и знаки ордена в сафьяновом футляре. Виктор Рейнгольдович попытался было сразу надеть на себя ленту, но с одной рукой это оказалось непросто. Помог генкварверх² Пустовойтенко.

Алексеев сказал, обведя всех строгим начальственным взглядом:

— Господа, отметим высокую награду за ужином, прошу не манкировать.

Таубе вынужден был проходить в темно-синей ленте весь день. Он принял множество поздравлений от чинов Ставки, как военных, так и гражданских. После ужина Алексеев, с которым барон в последнее время близко сошелся, позвал разведчика в свой кабинет, закрыл дверь плотнее и спросил:

— Знаете, кому обязаны орденом?

— Нет, — ответил награжденный. — Вроде государь меня давно забыл. Подвигов я не совершаю, сижу тихо...

— Это Николай Иудович постарался, — пояснил наштаверх.

— Иванов? По какому случаю? Хотя...

Таубе скривился:

¹ Начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего. Сокращения были введены с целью упростить обмен телеграммами.

² Генерал-квартирмейстер Ставки.

— Михаил Васильевич, неужто он после бламажа¹ так надеется искупить свой грех? Задобрить меня, чтобы я не болтал всюду, как он профурсил Горлицкий прорыв?

— Именно.

— Историю не обманешь, все знают, как было дело, — возмущенно сказал Виктор Рейнгольдович. — Три Георгиевских креста носит, а сам... Людей жалко, столько народу погибло. И ничего уже не исправить. Живой водой на них не побрызгаешь...

Таубе, отвечающий в Ставке за стратегическую разведку, весной 1915 года сообщил командующему Юго-Западным фронтом генералу Иванову, где и когда германцы готовят наступление. Сведения были максимально точные. Место, время и даже силы прорыва были доведены до сведения главноюзя² заранее. Ценнейшую информацию добыл наш резидент в Берлине Фридрих Гезе, он же Федор Ратманов. А доставил ее в Ставку через четыре границы, с риском для жизни, штабс-капитан Павел Лыков-Нефедьев³. Но Иванов имел свои хотелки. Он мечтал о вторжении через Карпаты на Венгерскую равнину, штурме Будапешта и поражении Австро-Венгрии силами своего фронта. Планы были утопические, но в случае успеха Николай Иудович рассчитывал стать национальным героем России. Когда же прорыв начался и герман-

¹ Бламаж — позор, срам (*нем.*).

² Главноюз — главнокомандующий силами Юго-Западного фронта.

³ См. книгу «Секретные люди».

ская 12-я армия после страшной артиллерийской подготовки набросилась на жидкие окопы нашей 3-й армии, Иванов не пришел ей на помощь. Он считал, что это обманный маневр, а настоящий прорыв будет в районе Черновиц.

Артподготовка длилась тринадцать часов. Германцы выпустили по русским позициям 700 тысяч снарядов! Как можно было принять это за отвлекающий маневр? Но Иванов упорствовал. И держал необходимые 3-й армии резервы за двести верст от участка прорыва. В результате фронт покатился назад и добежал аж до Барановичей. Русские армии оставили Галицию, только что захваченную с огромными жертвами. Перемышль и Львов снова отошли к австриякам. Русские полки выгнали из Варшавы, Польша оказалась оккупирована германцами. Пали все крепости, с трудом устояла Рига, создалась угроза самому Петрограду. События весны-лета 1915 года получили в обществе название Великое отступление. А виновник его продолжал спокойно командовать Юго-Западным фронтом. В декабре Иванов вновь «отличился»: практически сорвал наступление на реке Стрыпе. Он плохо подготовил его, плохо руководил войсками и зачем-то отложил атаки на четыре дня, чем лишил операцию фактора внезапности. Части 7-й и 11-й армий понесли большие потери и не смогли форсировать реку. Только после этого наконец лопнуло терпение. Наштаверхом к тому времени уже состоял Алексеев, бывший прежде подчиненным Иванова (тот командовал фронтом, а Михаил Васильевич служил при нем начальником штаба). В результате горе-генерал

сдал фронт Брусилову и перебрался... в Царскую Ставку, где был назначен состоять при особе государя императора. Тот высоко ценил Николая Иудовича за личную преданность, а еще больше ценила его императрица... При этом Иванов потрафил самодержцу: он лично вручил ему Георгиевский крест 4-й степени, а наследнику — Георгиевскую медаль «За храбрость», воспользовавшись правами командующего фронтом. Поскольку эти два «героя» захали на полчаса в местность, до которой гипотетически доставали германские гаубицы. Винить такого человека в поражениях было рискованно — можно навлечь гнев августейшего семейства. И явный ропот затих. Но военные, знающие подоплеку событий, обходили Иванова стороной. Он сидел в отдельном кабинете. Ничем не занимался, но ежедневно общался с государем. Видимо, слабый в военном деле Верховный проверял с его помощью стратегические решения генерала Алексеева. Тот однажды в минуту откровенности сообщил Таубе, что Иудович помещен в Ставку по личной просьбе императрицы — чтобы шпионить за наштаверхом!

И вот выяснилось, что орден Белого Орла с мечами Таубе получил по инициативе человека, которого не уважал и винил в Великом отступлении. Барону хотелось снять ленту и бросить ее Иудовичу в лицо. Но под рескриптом стояла подпись императора. И приходилось молчать, благодарить окружающих за поздравление, а за ужином пить с генералами шампанское.

До вечерней прогулки Таубе с Алексеевым обсудили несколько важных вопросов. Михаил Васильевич факти-

чески в одиночку руководил всей военной машиной империи. Царь ничего в этом не смыслил и в решения своего начальника штаба не вмешивался. Он был занят гражданским управлением, где все трещало по швам. Страна устала от войны, от громадных потерь. Приходилось гнать под ружье тех, кто раньше имел льготы и не подлежал призыву. По всей стране заново переосвидетельствовали белобилетников и объявили из них годными к военной службе 200 тысяч человек. Призвали ратников второго разряда, степенных мужиков между тридцатью и сорока годами, оторвав их от семей. Стали забирать даже единственных сыновей у престарелых родителей — вещь ранее неслыханная. Начались проблемы с продовольствием, в ряде губерний пришлось ввести карточки на нормируемые продукты. Тыловые районы наводнили беженцы, сотни тысяч людей страдали от бездомной голодной жизни. Железнодорожный транспорт работал на пределе, нужды войны сбили все графики гражданских перевозок. Дезертирство приняло массовый характер. Хорошо еще мудрый Алексеев не ударился в панику в дни Великого отступления. Умело маневрируя отступающими войсками, он избежал окружений и, потеряв территории, сохранил армию. Ну прямо как Барклай-де-Толли сто с лишним лет назад...

Война продолжалась второй год, и каждый день на ней гибли люди. Русская армия попыталась дать германцам сдачи. Но в ее планы активно вмешивались союзники. Французы изнемогали под Верденом, где тевтоны давили и давили, грозя прорвать фронт. Генерал Жоффр,

главнокомандующий французской армией, жалобно скулил и просил отвлечь врага русским ударом. Срочно, пока Верден не пал! И наша 2-я армия бросилась в неподготовленное из-за спешки наступление в районе Двинска, по обеим сторонам озера Нарочь. Оно было неожиданным для противника. 18 марта русские начали беспрецедентную для них артиллерийскую подготовку. Снаряды гвоздили германские окопы с 8 утра до 16. После чего в узкое дефиле между озерами Нарочь и Вишнев двинулись части прорыва. Расчет был успеть закончить операцию до наступления оттепели, пока еще можно атаковать по льду. Но не вышло. В первый же день выбыло из строя 15 тысяч человек, и этой жуткой ценой удалось захватить только первую линию окопов. Однако германцы держали в ней заведомо слабые силы, а основные укрыли во второй линии. И мощными контратаками отбивали наши наскоки, нанося огромные потери. А ночью наступила та самая оттепель...

Наутро русские полки опять пошли вперед, даже взяли вторую линию и захватили одну (!) пушку. Но окопы оказались полны воды, укрываться в них было невозможно. Пехота залегла на брустверах и за окопами и сделалась мишенью для вражеской артиллерии и пулеметов. Раненые, если их не удалось вынести с поля боя, за ночь замерзали. Появилось много обмороженных — в дополнение потерь от пуль и снарядов. Главной целью русских была укрепленная высота в дефиле, прозванная «Нос Фердинанда». Она и впрямь напоминала нос болгарского царя, любимую мишень наших карикатуристов. Но тут

русским стало не до смеха. Даже после приостановки общего наступления 2-я армия зачем-то еще три дня штурмовала эту позицию. Как говорили сами немцы, русские утонули в болоте и крови.

Распутица и бездорожье делали задачи наступающих трудноисполнимыми. А тут еще глупые ошибки в планировании операции. Командующий прорывом генерал Рагоза поставил свой штаб в 40 верстах от линии фронта. Зачем так далеко? Чтобы руководить войсками по телеграфу? А за снарядами приходилось ездить в тыл за 80 верст. Почему базы снабжения расположили именно там? А черт его знает... 160 верст в оба конца по непролазной грязи. В итоге огневые средства врага оказались неподдавленными. Наша полевая трехдюймовая артиллерия не могла двигаться за пехотой все из-за той же оттепели, а германцы громили атакующих крупными калибрами, сметая цепь за цепью.

За 10 дней глупого, наспех подготовленного наступления армия лишилась 1018 офицеров и 77 427 нижних чинов, в том числе 12 тысяч обмороженных и замерзших. После прекращения атак с германских проволочных заграждений сняли 5 тысяч трупов. Удалось захватить 10 квадратных верст территории. Наносящие вспомогательные удары 1-я и 5-я армии потеряли соответственно 10 тысяч и 30 тысяч человек. Из боевого расписания оборонявшейся германской 10-й армии фон Эйхгорна выбыло в десять раз меньше...

Для отражения наступления немцам хватило всего одной дополнительно переброшенной под Нарочь дивизии.

28 апреля они единственным, но сильным ударом полностью вернули себе потерянные позиции. Самоубийственный наскок, проведенный в самое неподходящее для этого время, ничем не помог Вердену.

Алексеев не пал духом и готовил реванш. Он планировал летом перейти в масштабное контрнаступление и вернуть Варшаву, Перемышль со Львовом, вырваться на Венгерскую равнину и обрушиться на Будапешт. Но главной целью было прорвать оборону врага в центре, там, где кратчайший путь к Берлину. Юзфронт¹ полководец отводил вспомогательную роль: громить австрияков. Самый сильный враг — тевтоны — показал себя трудным соперником. Почти непобедимым. У многих генералов появилась германобоязнь. Однако ситуация в русской армии по сравнению с прошлым годом улучшилась. Снарядный голод потихоньку сходил на нет. С тяжелой артиллерией оставались большие проблемы — орудий крупных калибров по-прежнему не хватало, зарядов к ним тоже. Военные предприятия медленно наращивали обороты. ГАУ² строило 15 новых заводов. Они должны были наладить выпуск шестидюймовых пушек и сорокавосемиллинейных гаубиц³. Зато трубочные заводы после того, как за них взялся частный капитал, вместо 50 тысяч дистанционных трубок в год производили теперь 70 тысяч в день! Тульский оружейный завод вымучивал в мирное время 700 пу-

¹ Юго-Западный фронт.

² ГАУ — Главное артиллерийское управление.

³ Калибр в 6 дюймов — 152 мм, в 48 линий — 122 мм.

леметов в год, а теперь выдавал по 800 в месяц. С ручным огнестрельным оружием оставались проблемы — чуть не треть солдат в окопах его не имела. Таких называли ладошниками: ребята могли испугать врага, только хлопая в ладоши... Правительство закупило ружья разных систем: у Италии, Франции, Японии, даже у Мексики. Командование обязало легкораненых уходить с поля боя за медицинской помощью с винтовкой в руках; у тяжелораненых эту обязанность выполняли санитары. Во многих корпусах были изданы беспрецедентные приказы: легкораненых гнать с перевязочных пунктов прочь, если они явились с пустыми руками. На полях специальные команды собирали оружие и боеприпасы.

Главкоюз Иванов, гений войны, издал приказ по фронту: вооружить ладошников топорами, насаженными на длинные рукояти! Пусть стоят в прикрытии артиллерии. Придут германцы, а мы давай их рубать... Командующие армиями благоразумно прятали дурацкое распоряжение под сукно, чтобы не позориться перед солдатами.

Патронов тоже не хватало. Да тут еще сербской армии по-дружески уступили 200 миллионов штук. Через год после начала войны заряды с остроконечными пулями закончились. И пришлось извлекать из арсеналов старые боеприпасы с тупоконечными пулями, что резко снизило действенность ружейного огня.

Но больше всего надежд наштаверх возлагал на превосходство в живой силе. Алексеев нагнал уйму войск в те армии, которым предстояло биться с германцами, ослабив Юго-Западный фронт. Брусилов и так справит-

ся! А вот Куропаткин с Эвертом — главкомы Северного и Западного фронтов — боялись михелей¹ и уже разуверились в возможности одолеть их. И начальник штаба Ставки создал там огромный численный перевес, особенно на направлении Вильна — Двинск. Разведка насчитывала у противника 125 тысяч штыков и сабель. Против них Алексеев выставил 695 тысяч человек. Пятеро на одного! Почти шестеро... Как тут было не победить? Михаил Васильевич готовил совещание командующих фронтами под руководством государя, чтобы огласить планы весенне-летнего наступления. И теперь проверял на умном генерале Таубе свои мысли. Николай Второй соскучился по семье и уехал в Царское Село. Наштаверх остался в Ставке за старшего. Война шла своим чередом, в управлении генерал-квартирмейстера еще не закончили суточную сводку, и у вечно занятого Алексеева образовался вдруг целый час свободного времени. Поэтому собеседникам никто не мешал.

Михаил Васильевич говорил сначала о генералах. Что они слабы духом и опасаются противника — и как такие могут побеждать? Из всех командующих фронтами и армиями только несколько человек годятся в полководцы. Рузский позер и одновременно паникер Куропаткин отстал от военного дела. Даже любимец газет Брусилов думает лишь о своей славе, а на остальные фронты ему наплевать. И на людей тоже наплевать. Вспомним, как летом четырнадцатого, выйдя к Перемышлю, он решил

¹ Михели — германцы.

взять первоклассную крепость с ходу! Без тяжело-осадной артиллерии, одними трехдюймовками. Крестик решил сорвать на солдатской крови. Сколько людей полегло в тех бессмысленных и, скажем прямо, преступных атаках... А в пятнадцатом издал приказ по своей 8-й армии: надо штурмовать не цепями, а густыми колоннами. Как во времена Суворова... При наличии у противника многозарядных винтовок и пулеметов и с подавляющим превосходством в тяжелой артиллерии — что хотел получить Брусилов? Гигантские потери? Их и получил. А чтобы пехота не трусилась, командарм велел «иметь сзади особо надежных людей с пулеметами, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабовольных».

Потом, понизив голос, Старик¹ сказал:

— А государь, он чем лучше?

Таубе застыл и ждал продолжения. И оно последовало.

— Наш верховный вождь, я хорошо изучил его за эти месяцы, человек пассивных качеств и лишен энергии, необходимой для ведения длительной войны. Снулый, как помирающая рыба. Еще ему недостает смелости и доверия, чтобы искать вокруг себя достойных людей. Его Величество никому не доверяет и одновременно легко поддается под чужие влияния. Да, он добрый человек. Но его доброта вырождается в слабость. Он лишен характера и настоящего темперамента. Жертва постоянных колебаний и не покидающей его нерешительности. С подоб-

¹ Старик — прозвище Алексеева, пущенное Николаем Вторым.

ным характером командовать армией нельзя. Особенно в такую войну, как эта...

В разговоре возник опасный момент. Таубе знал, что утром у Алексеева была длинная встреча с Гучковым. Тот возглавил Центральный военно-промышленный комитет и под этим предлогом зачастил в Ставку. Он действительно много делал для перевооружения армии. Но, оставаясь политиком, одновременно копал под государя, готовя самый настоящий переворот. Более того, Гучков не уехал в столицу. Александр Иванович ждал барона в его комнате, чтобы обсудить накопившиеся дела, в том числе секретные. И наверняка он спросит, что думает наштаверх о том, не пора ли менять «верховного вождя». Поэтому Виктор Рейнгольдович поддержал тему:

— Хуже всего, что государь еще и подкаблучник.

Генерал-адъютант согласился с генерал-майором:

— Это действительно страшное зло. Империей правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей. И ничего не изменишь. Ну что можно сделать с таким ребенком? Он пляшет над пропастью и спокоен. Кончится все плохо. Помните, что «верховный вождь» сказал Столыпину? «Лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы!» Слякоть...

— И вы будете пассивно наблюдать? Для пользы дела нужно действовать. Лестницу метут сверху.

Алексеев отстранился:

— А присяга?

Таубе жестко ответил:

— А Россия? Она важнее любой присяги. Мы же летим в пропасть на всех парах. А машинист пляшет...

Михаил Васильевич медленно произнес, обдумывая каждое слово:

— Я не могу... Ее — да, постричь в монахини и сослать в дальний монастырь. Насильно постричь! А государя — нет. Коней на переправе не меняют.

— Но...

Алексеев не дал договорить собеседнику:

— Всякое потрясение во время войны окончательно сломает армию, которая и без того еле держится. Мой ответ: нет. Помогать свергать самодержца не стану. Так и передайте Гучкову. Пусть ищет союзников в другом месте. Было бы болото, а черти найдутся...

Виктор Рейнгольдович встал:

— Ваше высокопревосходительство, разрешите идти?

— Идите, ваше превосходительство. Завтра утром жду от вас сводку разведывательных данных о противнике на германском фронте.

Когда разведчик был уже в дверях, наштаверх его оставил:

— Слышали последнюю новость? Сухомлинова вчера арестовали и посадили к крепость. Начато дознание.

Власти давно подбирались к бывшему военному министру, готовя из него очередного козла отпущения. Легкомысленный человек, тот действительно был виноват в том, что русская армия так плохо подготовилась к войне. Но не только он один! Поэтому барон лишь скривился и молча вышел.

Через четверть часа Таубе пересказывал Гучкову беседу с начальством. Политик только-только излечился от тяжелой болезни и выглядел утомленным. В обществе ходили слухи, что его отравила «распутинская клика». Октябрист слушал и ругался:

— Все надо делать самому, никто ничего не умеет и уметь не хочет! Совершенно выродились решительные люди навроде вашего Лыкова. В позапрошлом веке дворяне двух государей удавили, а тут мужика-конокрада не могут... Старик, стало быть, умыл руки. Пусть Россия сдохнет, зато он останется верен присяге. Ну ладно. Обойдемся без него.

Промышленник сел и сказал уже спокойным голосом:

— Генерал Крымов готов арестовать Николая Романова на пути из Ставки в Царское Село.

— Александр Михайлович? Начальник Уссурийской кавалерийской дивизии?

— Он самый.

— Но его дивизия далеко отстоит от Царского Села! Крымов сейчас на Юго-Западном фронте.

— Зато Крымова любят в войсках, — парировал Гучков.

— Да, Александр Михайлович храбр, энергичен, прямые его подчиненные пойдут за ним хоть в пекло, — кивнул барон. — Но одной дивизии для переворота недостаточно. Нужны еще части, и лучше, чтобы из столичного гарнизона.

— Мы работаем над этим.

— Вы это кто? Думские деятели? Но требуется военная сила, а не ваша говорильня.

— Будет и сила. Некоторые запасные батальоны готовы перейти на сторону в случае... ну, когда начнется.

— И когда начнется? — не удержался от трудного вопроса генерал-майор.

— В этом году, ближе к осени, — признался политик. — Еще не все готово. Но идут переговоры с гвардейской кавалерией, там уже не могут терпеть то, что происходит. Распутина к стенке. Государя на завалинку, нехай отдыхает. Жену его, стерву, в монастырь. Царевич Алексей около трона пусть ждет совершеннолетия, а регентом при нем поставим великого князя Михаила Александровича. Завершим войну и начнем думать о реформах. Я за конституционную монархию; России все еще нужен царь. Не такой, как нынешний, но царь. Ну, вы с нами, Виктор Рейнгольдович?

— С вами, — категорично ответил Таубе. — Тоже нет сил смотреть, как губят страну. Значит, осенью? А вы справитесь с полицией? Они могут не смириться с отставкой государя. А у градоначальства сейчас и пулеметы есть. Не хочется воевать с городовыми, там честные служаки. Лучше бы договориться.

— Я только что помянул вашего Лыкова. На чью сторону он встанет? И правда, что авторитет его в полиции градоначальства таков, что Лыков может в одиночку убедить полицейских поступить, как нужно нам с вами?

— Черт его знает, — озадаченно ответил генерал. — Алексей Николаевич в почете у петроградской полиции, всю жизнь провел с ней бок о бок. Пожалуй... хгм... пожалуй, сможет. Если захочет.